

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. ДЕЛИБЕРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.	20
Дискурсивная этика как основа делиберативной демократии	21
Политический либерализм как основа делиберативной демократии	26
Полемика Джона Ролза и Юргена Хабермаса	29
ГЛАВА 2. ОТ ИНСТИТУТОВ К СИСТЕМАМ: ВНУТРЕННЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ	38
Суд или Парламент?	39
Новые институты участия.	46
Делиберативная система как преодоление демократического дефицита	52
ГЛАВА 3. КРИТИКА ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ И АГОНИСТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ	59
Критика аргументативного дискурса	60
Агонистическая критика делиберативной демократии	64
Возвращение политического	68
Демократия и политический парадокс	71
ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК СПОСОБ ЗНАНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ	76
Предметное поле политической теории	80
Специфика перспективы политической теории	84

Политика и политическое в оптике политической теории	90
ГЛАВА 5. ПОЛИТИЧЕСКОЕ КАК СОБЫТИЕ	98
Отрицание	101
Публичность	109
Экзистенциальность	122
ГЛАВА 6. К ПОНЯТИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ	132
От неповиновения к сопротивлению: политические пределы проектов Джона Ролза и Юргена Хабермаса	135
От отрицания к признанию	144
Универсализация	151
Рационализация	155
ГЛАВА 7. ДЕМОКРАТИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РАЗУМА	162
Разум и/или событие?	163
Невротическая демократия и психотический протест	170
Жребий и делиберативные системы	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
ЛИТЕРАТУРА	192

Памяти моей мамы
Татьяны Савиной

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга — результат размышлений, которые занимали меня на протяжении десяти лет. За это время я написал и защитил кандидатскую диссертацию в НИУ ВШЭ, где также имел возможность вести занятия и общаться со студентами. Я хочу выразить благодарность научному руководителю моей кандидатской диссертации Борису Гурьевичу Капустину за его внимание и интерес к теме моих изысканий. Я благодарен также:

Олегу Каширских;

Сергею Звереву и Марии Мордвиновой;

Андрею Мельвилю, Святославу Каспэ, Ольге Малиновой, Михаилу Ильину, Александру Филиппову, Дагмар Мироновой, Леониду Полякову и Елене Намли;

Кириллу Чмель и Айгуль Климовой;

Алле Черных, Валерию Ледяеву, Григорию Юдину, Денису Стукалу, Александру Шуньгину, Юлии Сейко, Дарье Румянцевой, Ирине Соболевой, Лорену Голдману, Майклу Делли Карпини, Эллен Кеннеди, Энн Нортон, Регине Смит, Джеффри Айзеку, Уильяму Шоерману, Аурелиану Крайту, Илье Иншакову, Илье Локшину, Александру Павлову, Анастасии Утёмовой, Ольге Соловьевой, Анастасии Порецковой, Сергею Маямсину, Ярославу Бахметьеву, Маргарите Ериной, Елене Панфиловой, Сергею Медведеву, Григорию Кричевскому и Виктории Ивановой;
моим студентам в НИУ ВШЭ и МВШСЭН.

Введение

РАЗГОВОРЫ о кризисе демократии давно перестали быть исключительно уделом политологов и философов. В последние десятилетия эта тема активно обсуждается в публичном пространстве. Рост влияния крайне правых партий в Европе, усиление популистских тенденций в политической жизни, взлет насилия в виде терактов и войн, появление авторитарных лидеров в, казалось бы, консолидированных демократиях, к которым только вчера причисляли Венгрию, — все эти сюжеты разворачиваются перед нашими глазами сегодня и, конечно, порождают пессимизм в отношении будущего демократии в Европе и по всему миру. Тревогу вызывает также усиление военно-политического и экономического могущества авторитарных стран, которые бросают вызов либеральной демократии как модели политического устройства и подвергают сомнению ее ценностный базис. Демократия все чаще рассматривается как нечто беззащитное и второстепенное перед лицом так называемой «большой политики», завязанной на национальных интересах, крупных деньгах и военной мощи.

Этот пессимизм особенно бросается в глаза на фоне относительно недавнего оптимизма в отношении будущего человечества. Завершение холодной войны и процес-

сы демократизации в бывших социалистических странах стали причиной чрезвычайного воодушевления в среде интеллектуалов Европы и Северной Америки. Лаконичным выражением этого настроения стала известная метафора «конца истории», знаменующая окончательную победу либеральной демократии над всеми альтернативными политическими проектами¹. Очевидно, что история не кончилась, а демократические институты и практики как минимум нуждаются в защите, а по большому счету — в серьезном критическом переосмыслении.

Вполне вероятно, что наши тревоги не беспочвенны и имеют под собой серьезные основания. Либеральная демократия сегодня столкнулась с угрозой политических событий. Подобные события легко идентифицируются нами в ретроспективном взгляде на историю, при котором сразу видны определенные реперные точки. Речь идет прежде всего о войнах и революциях, ломающих сложившиеся политические порядки и дающих начало новым, а также сопровождающихся всплеском неконтролируемого насилия. Из логики сегодняшнего дня такие события выглядят как нечто закономерное, и мы порой поражаемся удивительной слепоте героев предшествующих эпох, не замечавших их неминуемого приближения. Нам могут казаться очевидными предпосылки обеих мировых войн, тщетность попыток умиротворения агрессоров и заключения с ними договоров о ненападении, обреченность утопических проектов переустройства жизни людей. Конечно, в перспективе участника событий такие ситуации выглядят иначе, а закономерный характер происходящего в значительной мере устанавливается только задним числом в логике вновь утвердившегося политического порядка. Это, однако же, не значит, что политические события носят

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007.

полностью случайный характер. Обрушение политических порядков происходит вследствие их неспособности обнаруживать и разрешать политические противоречия. Политическое событие происходит там, где такая неспособность принимает фатальный характер.

Возможно, сегодня в подобной ситуации находятся либеральные демократии. С одной стороны, такая оценка может показаться излишне алармистской. Либеральные демократии являются достаточно чувствительными к потребностям и требованиям своих граждан, а также демонстрируют завидную гибкость в плане способности к самообновлению и реконфигурации собственных порядков в моменты кризисов. С другой стороны, принять такую гибкость за неуязвимость означает разделить с трагическими историческими фигурами недалёковидную самоуверенность, которая так часто была им присуща накануне масштабных потрясений. Всякий политический механизм может успешно разрешать одни противоречия и порождать другие, с которыми он не может справиться. Политические противоречия и конфликты являются функцией от политического порядка, в котором они возникают. Для того чтобы увидеть и оценить риски для либеральной демократии сегодня, нужно критически посмотреть на современную демократическую теорию в привязке к тем проблемам, которые она стремится решить, а также к тем проблемам, которые являются побочным продуктом этих решений.

В 2000 году австралийский политический теоретик Джон Драйзек охарактеризовал состояние демократической теории как делиберативный поворот². Действительно, в 1990-е годы и в последующие десятилетия делиберация стала основной темой в дискуссиях о демократии. В ее

² *Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 2.*

обсуждении принимали непосредственное участие подлинники классики политической мысли XX века — Юрген Хабермас, Джон Ролз, Роберт Даль, Бенджамин Барбер, Ричард Рорти и другие³. Из политической теории идеи делиберативной демократии начали распространяться также в эмпирические исследования и в политическую действительность. Яркой иллюстрацией делиберативного поворота в реальной политике стал проект Европейского союза, во многом вдохновленный теоретическими изысканиями классиков делиберативной демократии.

В самом общем виде делиберативная демократия представляет собой идейное течение, в котором «условия политической ассоциации устанавливаются посредством свободного и обоснованного одобрения ее граждан», а «аргументируемость политических решений является легитимной основой для поиска решений коллективных проблем»⁴. Популярность делиберативной демократии в конце XX века во многом обуславливается спецификой исторического момента. Во-первых, внутривнутриполитическая жизнь стран Европы и Северной Америки была отмечена сглаживанием идеологических различий между основными партиями и стабильным экономическим ростом. Противостояние левых и правых стало восприниматься как нечто устаревшее, а на передний план вышли политики, отказавшиеся от какого-либо идейно-политического противостояния и занявшие «место над схваткой».

Во-вторых, ускорилось развитие средств коммуникации и произошло кратное умножение потоков информации. Эти изменения оказали существенное влияние

³ См., напр., сборники: *Benhabib S. (ed.). Democracy and Difference: Contesting boundaries of the Political.* Princeton: Princeton University Press, 1996; *Bohman J., Rehg W. (eds). Deliberative Democracy.* Cambridge, MA; London: The MIT Press, 1997.

⁴ *Хелд Д. Модели демократии.* М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 417.

на политическую жизнь, которая все больше медиатизировалась и превращалась в шоу. Политики превращались в селебрити, а селебрити стали побеждать на выборах. Партийную лояльность стала дублировать, а местами даже и подменять лояльность политически ангажированным массмедиа. Бернар Манен, в частности, указывал на трансформацию самой системы политического представительства и переход от партийной демократии к аудиторной⁵. Выход политического за пределы политической системы и растущая роль медиа и коммуникаций в политической жизни бросили вызов основным теориям демократии, фокусировавшим внимание на процедурах формирования высших органов власти и агрегировании интересов граждан и социальных групп. В изменившихся условиях вопрос уже стоял иначе — как именно формируются интересы и предпочтения граждан и в какой мере на них можно опираться при принятии политических решений?

В-третьих, 1990-е годы были отмечены усилением процессов европейской интеграции и стиранием границ между государствами. Впервые в современной истории была столь сильно подвергнута сомнению политическая монополия национального государства. Рост популярности и влияния транснациональных социальных движений, с одной стороны, и развитие международных и наднациональных институций — с другой, актуализировали потребность в новых теоретических проектах, отражающих и оценивающих эти тенденции в контексте прошлого и вероятного будущего.

Делиберативная демократия стала комплексным ответом политической теории на новые вызовы. Легитимируя и обосновывая растущие вызовы национальному го-

⁵ Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2008. С. 271–290.

сударству, усиление роли медиа и коммуникаций в политической жизни, стирание конфликтной составляющей в политической жизни, делиберативная демократия восполнила существовавший идейный дефицит и стала вектором политического развития Запада от муниципального самоуправления до наднационального проекта Европейского союза.

Несмотря на доминирование делиберативной теории в политико-теоретическом дискурсе о демократии, сегодня все чаще и убедительнее звучат аргументы в пользу ее политической слепоты. В силу собственных предпосылок делиберативная демократия оказывается не в состоянии обнаружить и осознать действительные проблемы политической жизни. Такая критика звучит со стороны оппозиционного делиберативной демократии идейного течения — агонистических взглядов на демократию. Среди наиболее ярких представителей этого направления можно выделить Шанталь Муфф, Уильяма Коннолли, Джеймса Талли и Бонни Хониг. Агонистические демократы заявили о необходимости осмысления парадоксальной природы политики и осознания ключевой роли таких элементов, как антагонизм, власть и политическое в противовес идеям разума и консенсуса. На сегодняшний день именно этот разлом определяет состояние и повестку дискуссий в демократической теории.

Агонистические демократы указывают на то, что установка на возможность окончательного преодоления политических противоречий приводит не только к политической слепоте, но и к политической опасности развиваемых в пределах делиберативной теории проектов. В разных версиях делиберативной демократии присутствует идея разумного консенсуса по поводу базовых правил совместного общежития (Джон Ролз) или процедур принятия решений (Юрген Хабермас). Джеймс Талли подчеркивает в связи с этим, что всегда существует вероят-

ность разумного несогласия с установленным консенсусом, а любой консенсус в политике всегда по умолчанию будет иметь агонистическую природу⁶. Ограничение (или даже непризнание) разумного характера такого несогласия придает делиберативной теории репрессивный характер. Шанталь Муфф идет еще дальше, утверждая, что политика право-левого консенсуса в европейских странах, в значительной мере вдохновленная проектами делиберативной демократии, и является подлинной причиной роста влияния крайне-правых партий. Если политический конфликт не может найти отражение в пространстве борьбы легитимных политических сил, он неизбежно найдет свое выражение каким-то иным способом, в частности — в виде появления новых партий и движений, отрицающих саму либеральную демократию⁷.

Защитная аргументация делиберативной теории выстраивается преимущественно в прагматичном ключе, а именно — в виде демонстрации тех преимуществ, которые предоставляет отстаиваемая точка зрения для обнаружения и решения тех проблем, с которыми сталкивается демократия сегодня. Делиберативные демократы подчеркивают, что наличие нормативного ориентира позволяет дать критические и в то же время взвешенные замечания демократическому процессу⁸. На сегодняшний день эти преимущества оказываются под вопросом на фоне отмеченных выше кризисных тенденций в политике. Делиберативная демократия не может дать исчерпывающих ответов на вопросы о причинах распространения терроризма, усиления противостояния между государствами, появле-

⁶ *Tully J.* Public Philosophy in a New Key. Vol. I: Democracy and Civic Freedom. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 129.

⁷ *Mouffe C.* On the Political. London; New York: Routledge, 2005.

⁸ *Benhabib S.* Models of Public Space: Hannah Arendt, the Liberal Tradition, and Jürgen Habermas // Calhoun C. (ed.). Habermas and the Public Sphere. Cambridge, MA; London: The MIT Press, 1992. P. 85–95.

ния новых авторитарных лидеров, принятия законов, поражающих людей в правах, и так далее. В лучшем случае делиберативные демократы говорят о временности этих тенденций, объясняя их краткосрочный характер противоречием логике рационализации жизненных миров. В худшем случае они предпочитают о них попросту не говорить. Такое состояние хорошо описывается известным образом девы, которая играет на лире в то время, когда Рим горит, не зная о том, что она играет на лире, и не зная о том, что вокруг пожар⁹.

В основе разлома между делиберативными и агонистическими взглядами на демократию лежит вопрос о том, какие предпосылки должны лежать в основе политико-теоретической рефлексии о демократии. Такие предпосылки в значительной мере определяют направление рефлексии, обуславливают возможность понимания политических процессов и отражаются в значениях формулируемых концептов. Делиберативные демократы разделяют тезис том, что целью политической теории является разработка политических проектов на основе достижений моральной философии¹⁰. Агонистические же демократы говорят о недопустимости редукции политики к морали и необходимости осознания ее автономии и парадоксальности.

Характер проблемы отсылает не к содержанию теории, а к ее тени — непроговариваемой аксиоматике, на которой зиждется любой политический проект. Роберт Даль определял такую теневую составляющую как набор полускрытых допущений, смутных предположений и замаскированных посылок, на котором покоится любая яс-

⁹ Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос; Практика, 2000. С. 161.

¹⁰ См., напр.: Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Benhabib S. (ed.) Democracy and Difference... P. 70.

ная и открыто разъясняемая теория демократии¹¹. Делиберативная теория не является исключением. В основе этой теории лежит отказ от понятия политического, которое благодаря Карлу Шмитту имеет дурную репутацию среди политических теоретиков. Попытка Джона Ролза вернуть понятие политического в демократическую теорию натолкнулась на резкое сопротивление со стороны Юргена Хабермаса, идеи которого получили большее распространение среди делиберативных демократов. Чтобы ответить на сегодняшние политические вызовы, делиберативная теория должна обратить свой взгляд на собственные смутные предпосылки и обновиться за счет их переосмысления.

Эта книга посвящена прояснению теневой составляющей современной демократической теории и нацелена на ее усиление за счет интеграции в нее понятия политического события. Прояснение предпосылок, лежащих в ее основании, является внутренне присущим делиберативной теории ходом. Разделяемые сторонниками данного направления идеи коммуникативного разума и открытого обсуждения делают возможным такое фундаментальное переосмысление ее ключевых предпосылок и границ. Поэтому саму границу теории здесь следует понимать как предмет проблематизации с целью более точной демаркации. Поскольку сегодняшнее состояние демократической теории обусловлено влиянием двух философских проектов — дискурсивной этики Юргена Хабермаса и политического либерализма Джона Ролза, именно эти проекты станут отправной точкой и предметом оспаривания в данной книге.

Следует также пояснить, чем эта книга **не является**. Во-первых, в ней не предлагается принципиально новая теория демократии, а развивается и усиливается де-

¹¹ Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 10–11.

либеративная теория. Это накладывает свои ограничения на способ построения аргументации. Понятие политического события развивается в критической полемике с посткантианством в версиях Джона Ролза и Юргена Хабермаса. Предлагаемые в заключительном разделе политические рецепты и корректировки институционального каркаса современных демократий нацелены на преодоление именно негативных эффектов распространения и институционализации делиберативных практик. Во-вторых, это не философский трактат, посвященный наследию Джона Ролза или Юргена Хабермаса. Оба автора не ограничивали свои философские искания темой демократии и положили начала целым направлениям в современной философии. Каждому из этих авторов посвящены десятки тысяч страниц литературы, в которых обсуждаются вопросы справедливости, социального действия, международного права и так далее. Эта книга имеет целью критически рассмотреть делиберативную демократию как политический проект, испытавший значительное влияние со стороны этих двух философов. В-третьих, это не фундаментальный философский трактат о понятиях бытия и события. Развиваемое в данной работе понятие политического события рассматривается как категория политической мысли, которая одновременно оказывается пределом ее возможностей и в то же время является для нее узловым. Более глубинные вопросы о связи между социальными событиями должны стать уже предметом для дополнительных изысканий.

В главе 1 показано, как понятие политического стало жертвой «заговора молчания» в демократической теории. Отказавшись от понятия политического, демократия была поставлена на колени перед моралью. В главе 2 описано дальнейшее развитие делиберативной теории и показано, какие проблемы и вызовы стояли перед ней в последующие десятилетия. В главе 3 приведены критические аргу-

менты в отношении современной демократии со стороны агонистических демократов. Связывая кризисные тенденции в современной демократии с забвением политического, они отстаивают идею о парадоксальной природе политики и ее несводимости к проектам на основе моральной философии. Глава 4 посвящена прояснению вопроса об эпистемологических возможностях политической теории в отношении политического. В главе 5 сформулирована идея политического как непредсказуемого события, возникающего там, где имеет место публичное отрицание политического порядка, затрагивающее экзистенциальные вопросы жизни людей. В главе 6 дано определение политической делиберации как способа предвосхищения и предотвращения политического события путем превентивного разрешения предсобытийных ситуаций. В главе 7 предложены политические решения для преодоления кризисных тенденций современных демократий.

Глава 1

Делиберативный поворот в демократической теории¹

В ФИЛОСОФСКИХ основах делиберативной демократической теории можно условно выделить два направления — либеральное, восходящее к работам Джона Ролза², и критическое, восходящее к работам Юргена Хабермаса³. Эмпирический поворот в исследованиях делиберативной демократии снял остроту теоретических дискуссий, неявно зафиксировав победу проекта Хабермаса — именно его модель с замечаниями и корректировками многочисленных критиков сегодня закладывается в основу эмпирических исследований и теоретических обзоров состояния делиберативной демократии. Тем не менее в целях ревизии актуального состояния делиберативной демократии видится необходимым актуализировать

¹ Материалы этой главы частично опубликованы в журнале «Полис. Политические исследования». См.: *Савин Н.Ю.* Между субстанцией и процедурой: две традиции в делиберативной демократической теории // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4.

² Некоторые авторы не считают Ролза представителем делиберативной демократической теории. См., напр.: *Chambers S.* *Deliberative Democratic Theory* // *Annual Review of Political Science*. 2003. Vol. 18. No. 6. P. 307–326.

³ О разделении на либеральное и критическое направления см., напр.: *Dryzek J.* *Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

теоретические разломы двадцатилетней давности между двумя классиками политической мысли.

ДИСКУРСИВНАЯ ЭТИКА КАК ОСНОВА ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Нормативным основанием делиберативной модели Хабермаса является дискурсивная этика. В ее основе лежат когнитивистская концепция морали Лоренца Кольберга и символический интеракционизм Джорджа Герберта Мида. Заимствуя у первого тезис о когнитивном содержании моральных суждений и идею интерсубъективного конституирования смысла у второго, Хабермас выводит идеальную процедуру интерсубъективного обоснования моральных интуиций посредством беспристрастного обмена аргументами. По правилам этой процедуры:

- 1) каждый дееспособный субъект, владеющий языком, может принять участие в дискурсе;
- 2) каждый может поставить под вопрос любое утверждение (а); каждый может вводить в дискурс любое утверждение (б); каждый может выражать свои установки, желания и потребности (в);
- 3) никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах 1 и 2⁴.

Для Хабермаса принципиально важной оказывается невозможность конструирования окончательных моральных законов наподобие тех, которые отстаивает теория справедливости Джона Ролза. Любой конфликт есть нарушение изначального согласия, и его решение должно осуществляться через восстановление интерсубъективного согласия посредством реальной дискуссии с участии-

⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 140.

ем всех заинтересованных. Таким образом, кантианский категорический императив оказывается переформулированным следующим образом: «Вместо того чтобы предписывать всем остальным в качестве обязательной некую максиму, которую я хотел бы сделать всеобщим законом, я должен предложить свою максиму всем остальным для дискурсивной проверки ее притязания на универсальность»⁵.

Эмпирическим референтом делиберативной модели является многообразие форм коммуникаций, в которых происходит формирование воли. Хабермас отводит политической системе функцию производства действий в виде решений и их имплементаций; в свою очередь, политическая система окружена жизненным миром в виде гражданского общества. Роль смычки системы и жизненного мира играет публичная сфера, которую Хабермас определяет как «сети информации и точек зрения, циркулирующих в виде потоков коммуникаций, которые синтезируются и объединяются в узлы тематически специфицированных общественных мнений»⁶. Связка системы и жизненного мира в понятии публичной сферы позволяет Хабермасу осуществить концептуальное разведение политики и демократического процесса, но при этом функционально связать их друг с другом.

Несмотря на то что на уровне аргументации понятие публичной сферы играет лишь роль прокладки между системой и жизненным миром, оно оказывается ключевым для делиберативной теории. Именно на нее смещается фокус демократического процесса, она позволяет делибе-

⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 105–107.

⁶ Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1996. P. 360.

ративной демократии черпать нормативную значимость из самой структуры языковой коммуникации⁷. Очерчивая всю совокупность коммуникаций в приграничных областях гражданского общества и политики, публичная сфера оказывается средством проведения должного в сущее и является источником постоянного валидирования права и воспроизводства гражданственности. Формируя обоснованные и взвешенные мнения по политическим вопросам, публичная сфера способствует преодолению кризиса легитимности, неидентифицируемого либерализмом, и закладывает основу для институционально-опосредованного формирования общей воли (редуцированное понимание которой наличествует в республиканизме). Последнее осуществляется за счет многообразия «сильных» и «слабых» публичных сфер, которые переплетены друг с другом потоками информации.

Делиберативная модель демократии противопоставляется Хабермасом либеральной и республиканским моделям. Конститутивное различие между ними заключается в понимании политики и демократического процесса. Для либерализма роль государства ограничивается аппаратом управления, который программируется в интересах общества, политика здесь выполняет функцию фокусировки и проведения в жизнь частных интересов граждан. Для республиканцев политика оказывается конститутивной для общества формой активности. Разворачиваясь в виде «рефлексии над жизненным контекстом нравов», она уже не сводится к борьбе социальных агентов за властные позиции, но расширяется до любых форм публичных коммуникаций между гражданами, стремящихся к достижению взаимопонимания друг с другом⁸.

⁷ Хабермас Ю. Вовлечение Другого: очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. С. 393.

⁸ Там же. С. 382.

Либеральное видение политики, по Хабермасу, страдает от ограниченности своей оптики. Редуцируя политику до борьбы граждан (которые при этом понимаются лишь как носители негативных свобод) за административную власть, либеральная модель остается слепой к политическим импликациям социального фона политики. Иными словами, либерализм, по Хабермасу, не способен оценить политическую роль многообразия коммуникационных практик, которые объединяют граждан в их частной жизни. Более того, игнорирование этих практик не позволяет либерализму содержательно оценить главную функцию демократического процесса — легитимацию власти. Несмотря на то что либерализм, по большому счету, редуцирует политику и демократический процесс до легитимации власти посредством выборов, именно этот момент оказывается в нем проблемным в силу неспособности принять во внимание мотивации избирателей и условия формирования их политических мнений.

Республиканизм, по мнению Хабермаса, также редуцирует политику, но уже в другом смысле. В отличие от либерализма республиканская модель демократии эссенциализирует политику и затуманивает свой взгляд излишними нормативными коннотациями. Республиканизм отказывается от описания политики в институциональных или функциональных категориях, вследствие чего все сферы жизни людей оказываются, по большому счету, деполитизированными. Это подводит, например, Ханну Арендт к драматичному выводу об отсутствии политики в эпоху Современности. Тем не менее данный вывод, с точки зрения Хабермаса, совершенно не верен. «В сложном обществе политика чаще опирается на стратегические интересы и соперничество групп, не имеющих под собой общего основания... Результат политики — компромиссы, корректность которых определяется процедурами,

которые нуждаются в нормативном оправдании с точки зрения справедливости» — пишет Хабермас⁹.

Предлагаемая Хабермасом делиберативная модель, по его заверению, преодолевает недостатки либеральной и республиканской моделей, сохраняя при этом их ключевые преимущества. Как и либеральная модель, делиберативная демократия сохраняет разведение государства и общества, но отделяет гражданское общество от сферы рыночной экономики. Это позволяет сохранить от размывания фокус политики и закрепить за ней определенное место в социальном пространстве. В то же время делиберативная демократия, как и республиканизм, видит основой политики не борьбу за власть, а формирование мнений и коллективной воли. Но в отличие от республиканизма, политика здесь мыслится не как структурообразующее начало всей социальной жизни, но лишь как одна из систем, возникающих на основе спонтанных взаимодействий граждан в жизненном мире. Демократический процесс сводится к взаимодействию политики как системы с жизненным миром, что ставит вопросы об институциональном оформлении этой смычки и критериев для нормативной оценки процессов, которые происходят в ходе таких взаимодействий.

Постановка этих вопросов отличает делиберативную модель Хабермаса не только от других нормативных моделей демократии, но и от эмпирических моделей. В частности, именно акцент на роли общественного мнения в демократическом процессе, как утверждает Хабермас, усиливает его теорию по сравнению с плюралистической моделью демократии Роберта Даля¹⁰. В последней об общественном мнении и формировании коллективной воли

⁹ Хабермас Ю. Вовлечение Другого... С. 390–391.

¹⁰ О критике Хабермасом Даля см.: *Habermas J. Between Facts and Norms...* P. 315–328.

говорится лишь как о потребности в информации, достаточной для просвещенного понимания политических интересов. В отсутствие нормативных критериев для оценки качества формирования общественных мнений, с точки зрения Хабермаса, модель Дала утрчивает критический потенциал и сводится лишь к описанию существующих процессов принятия политических решений с их достоинствами и проблемами без какой-либо возможности предложить решения этих проблем.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ОСНОВА ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Джон Ролз присоединился к делиберативной демократической теории в 1990-х годах. Преследуя цель преодоления метафизического характера теории справедливости, Ролз вводит в «Политическом либерализме» два новых понятия — публичный разум и перекрывающий консенсус, а также устанавливает границы области политического.

Идея публичного разума на глубинном уровне уточняет моральные и политические ценности, которые регулируют отношение демократического правительства к гражданам и их отношения между собой¹¹. По Ролзу, публичный разум имеет место там, где гражданин «размышляет в рамках того, что он или она искренне считает наиболее разумной политической концепцией справедливости — такой концепцией, которая выражает политические ценности таким образом, что он или она могли бы разумно ожидать, что другие граждане, будучи свободными и равными, могли бы разумно следовать этой концепции»¹². Такими гражданами должны быть в первую очередь судьи,

¹¹ Rawls J. Political Liberalism. Expanded Edition. New York: Columbia University Press, 2005. P. 441–442.

¹² Ibid. P. 450.

лица, замещающие государственные должности, парламентарии, а также кандидаты на эти должности. Круг возможных политических концепций достаточно широк, но все их объединяют следующие черты:

- 1) список прав, свобод и возможностей;
- 2) присвоение специального приоритета тем правам, свободам и возможностям, которые касаются общих благ и перфекционистских ценностей;
- 3) меры, обеспечивающие всех граждан средствами использования их свобод.

При этом политический характер этих концепций обеспечивается тем, что они (1) определяют базовую структуру общества; (2) могут быть презентованы независимо от обязательных доктрин; (3) могут быть выведены из фундаментальных идей конституционного режима — свободы и равенства граждан и общества как честной системы кооперации¹³. Либеральное общество, основываясь на своей истории и особенностях, принимает одну из таких концепций справедливости, которая конституирует область политического. Гражданин такого общества, по Ролзу, двуедин — он одновременно является адептом обязательной доктрины, артикулирующей его моральные и религиозные взгляды, а также — членом политического сообщества свободных и равных.

Очертив границы области политического, Ролз ограничивает свои притязания лишь теоретическим обрамлением процесса принятия политической концепции справедливости. В отличие от тяготевшей к философскому менторству «Теории справедливости», в «Политическом либерализме» ролзовская концепция справедливости как честности оказывается одной из множества возможных политических концепций справедливости. Если в «Теории справедливости» Ролз исходил из кантианской идеи

¹³ Rawls J. Political Liberalism... P. 450–453.

моральной автономии и обосновывал идею справедливости как честности посредством морального конструктивизма, то в «Политическом либерализме» Ролз дистанцируется от этой позиции, называя свою аргументацию политическим конструктивизмом¹⁴. В отличие от морального конструктивизма, политический конструктивизм ограничивается сферой совместного общежития людей и не стремится, например, к иерархизации ценностей и предписанию правил поведения за пределами политики. Последнее отдается на откуп множеству легитимных обязательных доктрин, регулирующих не-политические сферы жизни человека.

Легитимность обязательных доктрин определяется по принципу признания плюрализма концепций справедливости. Доктрины, не признающие такого плюрализма, оказываются политически неразумными и, как следствие, не могут быть допущены в область политического. Легитимные обязательные доктрины в разных формах интернализуют политическую концепцию справедливости с ее принципом реципрокности, в ходе чего образуется перекрывающий консенсус, обеспечивающий стабильность хорошо устроенного общества. Смещение фокуса внимания с морального универсализма на разумные правила области политического позволяет Ролзу включить в свою модель основного теоретического конкурента политического либерализма — дискурсивную этику Хабермаса, на правах частного случая, уравнив ее, например, с католическими взглядами на благо и солидарность¹⁵.

Говоря о делиберативной демократии, Ролз фокусирует внимание на условиях возможности гражданских дискуссий о вопросах общественной значимости. Главными элементами делиберативной демократии, по Ролзу, явля-

¹⁴ Rawls J. Political Liberalism... P. 99–101.

¹⁵ Ibid. P. 451–452.

ются: (1) идея публичного разума; (2) рамка конституционно-демократических институтов; (3) знания и желания части граждан следовать публичному разуму и реализовывать его идеал в своих политических делах¹⁶. Такое обрамление позволит свободным и равным гражданам в условиях честной системы кооперации вести обсуждения вопросов блага и справедливости.

ПОЛЕМИКА ДЖОНА РОЛЗА И ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Полемика Ролза и Хабермаса стала одним из центральных сюжетов в англо-американской политической теории XX века. Выступив с критикой концепции политического либерализма, Хабермас фокусирует внимание на (1) модели исходного положения; (2) неясности в понимании Ролзом перекрывающего консенсуса и разума; (3) примате либеральных прав над принципом демократической легитимации¹⁷.

По Ролзу, партии, представляющие интересы основных сегментов населения, действуют под вуалью неведения на основе рационального эгоизма. Такое допущение, с точки зрения Хабермаса, существенно ослабляет эту модель уже на ранних этапах рассуждений. Если партии руководствуются рациональным эгоизмом, они оказываются не в состоянии воспринять деонтологическое значение притязаний своих клиентов. Одновременно с этим допущение о рациональном эгоизме партий вынуждает Ролза рассматривать основные права в качестве благ (утрачивая тем самым их деонтологический смысл), но на фоне такого отождествления парадоксальной выглядит попытка градации благ, в ходе которой основные блага выде-

¹⁶ Ibid. P. 448.

¹⁷ Хабермас Ю. Вовлечение Другого... С. 121–122.

ляются в отдельную категорию как конститутивные для деятельности свободных и равных личностей¹⁸. Последнее, по мнению Хабермаса, невозможно без нравственного разумения.

Критикуя модель исходного положения как отправную точку рассуждений Ролза о политическом устройстве общества, Хабермас в то же время обосновывает преимущества дискурсивной этики. Во-первых, аргументация с позиций дискурсивной этики позволяет сохранить многообразие частных перспектив истолкования, которое искусственно нивелируется в исходном положении. Во-вторых, дискурсивная этика преодолевает допущение о гармонии между выведенными из исходного положения принципами справедливости и той информацией, которая открывается участникам после сбрасывания вуали неведения. Открытая процедура аргументации, осуществляемая в условиях публичного использования разума, попросту не нуждается в такого рода допущениях, что делает ее более надежным средством аргументации, считает Хабермас¹⁹.

В обосновании идеи перекрывающего консенсуса Хабермас критикует Ролза за смешение фактической приемлемости и нормативной принятости. Идея перекрывающего консенсуса носит ярко выраженный функциональный смысл и способствует устойчивости хорошо устроенного общества Ролза. Но сам функциональный способ обоснования противоречит духу проекта политического либерализма, считает Хабермас. Включенные в перекрывающий консенсус обязательные доктрины, согласно Ролзу, не должны нормативно принимать принципы справедливости. Для того чтобы обязательная доктрина получила статус политически разумной, достаточно лишь приемлемости принципов справедливости. Из-за отрицания эпи-

¹⁸ Хабермас Ю. Вовлечение Другого... С 130.

¹⁹ Там же. С. 132–135.

стемических притязаний разума, считает Хабермас, концепция Ролза полностью утрачивает критический потенциал, а вместо фокуса на истине и этике обязательные доктрины оказываются ориентированными лишь на воспроизводство описываемых ими стилей жизни²⁰.

Хабермас утверждает, что примат либеральных прав над демократической процедурой порождает неспособность Ролза примирить либеральные и республиканские свободы. Приоритет либеральных прав оказывается следствием двухуровневой аргументации Ролза в модели исходного положения. По Хабермасу, снятие напряжения между частной и публичной автономией оказывается возможным при смещении акцента с индивидуальных прав на процедуру дискурсивного формирования общественного мнения и воли, в ходе которой происходит публичное использование разума. Такой переход обосновывается им профессионализацией философии и необходимостью выполнения ею функции прояснения моральной позиции и условий рационального дискурса, в отличие от функции развития идеи справедливого общества, которую пытается выполнить Ролз²¹. Модель же политического либерализма, по Хабермасу, оказывается излишне субстанциалистской, что не отвечает современному состоянию философской мысли.

Отвечая на критику со стороны Хабермаса, Ролз фокусирует внимание на том, что политический либерализм является политической концепцией, в то время как дискурсивная этика имеет характер обязательной доктрины. Этот тезис позволяет ему заявить, что модель политического либерализма, во-первых, применима только к сфере политического и не касается чего-либо за пределами этой сферы, а во-вторых, не выводима из философии. В отли-

²⁰ Там же. С. 135–146.

²¹ Там же. С. 150–156.

чие от дискурсивной этики, политический либерализм исключает из своего предмета вопросы сущего, концентрируясь исключительно на вопросах должного. Этот ход позволяет политическому либерализму избежать метафизичности, который сохраняет дискурсивная этика, выводя модель идеальной речевой ситуации из модели человека, заимствованной из символического интеракционизма. Ролз же отталкивается от нормативного представления о свободном и разумном гражданине, связка которого с политическими принципами справедливости осуществляется посредством политического конструктивизма. Последний в связи с этим не базируется на платоновской или кантианской метафизике, но выводится исключительно из специфики области политического²².

Модель исходного состояния в большей мере соответствует целям и задачам *политического* проекта, чем идеальная речевая ситуация. Свою аргументацию Ролз начинает с тезиса о том, что сравнение двух моделей должно осуществляться с позиций граждан в культуре гражданского общества или того, что Хабермас называет публичной сферой. При этом гражданское общество содержит множество различных обязательных доктрин, которые, будучи компонентом области социального, а не политического, не должны оспариваться и быть предметом обсуждения. В хабермасовской модели дискуссия ведется с привлечением моральных аргументов, в то время как Ролз ограничивает вероятные аргументы сферой политического (при этом снимая ограничения на способы их выставления и ведения дискуссии), что позволяет схеме исходного состояния достичь ситуации разумного эквилибриума, к которому модель идеальной речевой ситуации может лишь асимптотически приближаться²³.

²² Rawls J. Political Liberalism... P. 373–380.

²³ Ibid. P. 382–385.

Отвечая на критическое замечание о смешении фактической приемлемости и нормативного принятия в обосновании перекрывающего консенсуса, Ролз вновь обращается к представлению о свободном и разумном человеке. Вопросы приемлемости/принятия принципов справедливости отдаются на откуп гражданину как члену гражданского общества. Публичный разум касается только политических ценностей, и поэтому не затрагивает вопросы обязательных доктрин. Политическая концепция справедливости может быть либо конгруэнтной по отношению к обязательной доктрине, либо нет. Поэтому при публичном обосновании политической концепции справедливости ее принятие ожидается от разумных членов общества, но не от обязательных доктрин как таковых. Уже по достижении рефлексивного эквилибриума происходит фактическое соединение обязательных доктрин и политической концепции справедливости²⁴. Такое соединение имеет важное следствие для политической жизни хорошо устроенного общества — перекрывающий консенсус оказывается источником постоянных дебатов и споров вокруг политической концепции справедливости, что обеспечивает ее нормативную значимость посредством постоянного дискурсивного валидирования.

В то же время, несмотря на постоянное дискурсивное валидирование политической концепции справедливости, Ролз утверждает, что его модель гарантирует обществу большую стабильность, нежели дискурсивная модель Хабермаса. Поскольку политические принципы справедливости не выводятся из обязательных доктрин, а, напротив, определяют их, перекрывающий консенсус оказывается не только самой разумной, но и наиболее глубокой формой единства людей. Базирующееся на такой основе общество в результате оказывается стабильнее общества,

²⁴ Ibid. P. 386–388.

основанного на модели дискурсивной этики. Хабермасовское снятие барьера между политическим и социальным делает общество хрупким, а решения его проблем возможными только в виде *modus vivendi*²⁵.

Отвечая на тезис Хабермаса о невозможности примирения старых и новых свобод посредством исходного состояния, Ролз заявляет, что модель исходного состояния, во-первых, обеспечивает достаточно информации для обоснования обоих типов свобод (мы обладаем основной информацией о нашем обществе, но не о нас самих, что снимает тезис о примате индивидуальных свобод над коллективными), и, во-вторых, модель исходного состояния не столько является выдумкой философа, репрессивно накладывающего ограничения на участников соглашения, сколько отражает реальные условия такого рода соглашений — когда мы моделируем принятие решений о принципах справедливости между партиями, разумно ожидать от них восприятия таких решений как вечных, а не как временных хотя бы в перспективе момента принятия решения (что не отменяет того, что в иной ситуации решение может быть пересмотрено). Согласно Ролзу, модель исходного состояния вовсе не приоритезирует либеральные свободы, но производит диверсификацию либеральных и республиканских свобод посредством конституирования области политического. Этот аргумент позволяет Ролзу обозначить саму дизъюнкцию либеральных и республиканских свобод как ложную — в исходном положении утверждение обоих типов свобод закладывается в одном принципе свободы, что делает их равноценными²⁶.

Резюмируя свой ответ на критику Хабермаса, Ролз выдвигает тезис о том, что любая либеральная концепция справедливости, включая дискурсивную этику, по не-

²⁵ Rawls J. Political Liberalism... P. 389–392.

²⁶ Ibid. P. 397–413.

обходимости оказывается субстанциалистской. Сама модель дискурсивной этики хоть и акцентирует внимание на процедуре, в то же время четко предписывает ее правила, тем самым закладывая субстанциальность на уровне самой процедуры. Другими словами, дискурсивная этика описывает субстанцию политической процедуры, а политический либерализм выводит субстанциальные условия возможности политической процедуры. Но, будучи в той же мере субстанциальной, модель дискурсивной этики вынуждена оперировать более слабым, чем понятие справедливости, понятием легитимности. Хабермасовская модель предполагает, что принимаемые политические решения могут быть легитимными, но в то же время могут восприниматься гражданами как несправедливые. Такой зазор рождает противоречие, существенно ослабляющее нормативные притязания этой модели²⁷. Таким образом, заключает Ролз, политический либерализм, в силу большей заточенности под сферу политического, более гибко фиксирует ее особенности, а значит, оказывается лучшей теорией, нежели дискурсивная этика.

Отвечая на замечания Ролза, Хабермас обострил критику понятия политического в модели политического либерализма. Претензия на особый эпистемический статус политических концепций справедливости рассматривается им как продукт неверной дихотомии метафизическое — политическое и заточения философии в пределах первого²⁸. Хабермас фиксирует внутреннее противоречие в аргументации Ролза: отходя от кантовского процедура-

²⁷ Ibid. P. 421–429.

²⁸ Хабермас Ю. Вовлечение Другого... С. 158–160. Нельзя не отметить, что здесь Хабермас осуществляет явную подмену понятий. В своих рассуждениях Ролз говорит не о философских вопросах в сфере политического, а о приватизации политики философией. Еще в предисловии к «Политическому либерализму» Ролз отмечает, что философские вопросы неустранимы из сферы политического.

лизма, Ролз отказывается подчинить практический разум морали множества картин мира. Такая мораль немыслима в перспективе ролзовского диадического гражданина, выступающего одновременно в роли наблюдателя (со стороны обязательных непубличных доктрин, обладающих сильными притязаниями на истинность) и участника (со стороны концепций справедливости со слабыми притязаниями на разумность). Хабермас видит необходимость в дополнении ролзовской схемы перспективой интересубъективного взаимодействия. В отсутствие такой перспективы, считает Хабермас, сфера политического лишается внутреннего источника моральной значимости и становится целиком зависимой от обязательных доктрин²⁹. Ответная аргументация Хабермаса лишь более явно обнажает основной водораздел между двумя подходами — пониманием политического.

Несмотря на масштабность полемики между авторами, пожалуй, самых сильных теоретических проектов в политической теории XX века, делиберативная демократическая теория, скорее, не заметила этой дискуссии. И этому есть простое объяснение: оба участника не поняли или не захотели понять позиций друг друга³⁰. Вместо критики проекта Ролза по существу, Хабермас скорее обосновывает преимущества дискурсивной этики. Ролз же позволяет себе подчас вульгарную интерпретацию основных идей Хабермаса. Речь идет, например, о понятии консенсуса, трактуемом Ролзом буквально, а не процедурно, как то предписывает Хабермас.

²⁹ Хабермас Ю. Вовлечение Другого... С. 169–173.

³⁰ Такая оценка дискуссии между Ролзом и Хабермасом сегодня является наиболее распространенной. См., напр.: *Finlayson J.G., Freyenhagen F. Introduction: The Habermas-Rawls Dispute — Analysis and Reevaluation // Finlayson J.G., Freyenhagen F. (eds). Habermas and Rawls: Disputing the Political. New York; London: Routledge, 2011. P. 1–2.*

В последние годы наблюдается возрождение интереса к дискуссии между Ролзом и Хабермасом. Внимание авторов приковано в основном к понятию легитимности³¹. Несмотря на важность этой темы для обоих авторов, она является вторичной по отношению к вопросу о политическом. Именно понятие политического служит отправной точкой для защитной аргументации Ролза, и оно же подвергается ответной критике со стороны Хабермаса. Примечательно, что, став причиной «великой схизмы» в делиберативной демократической теории, тема политического не была закрыта, пав жертвой простого «заговора молчания». Тем более актуальной оказывается ревизия полемики Ролза и Хабермаса вокруг этого понятия сегодня в свете возрождающегося интереса к теме в целом.

³¹ *Pedersen J.* Justification and Application: The Revival of Rawls-Habermas Debate // *Philosophy of the Social Sciences*. 2012. Vol. 42. No. 3. P. 399–432; *Finlayson J.G.* Where the Right Gets in: On Rawls's Criticism of Habermas's Conception of Legitimacy // *Kantian Review*. 2016. Vol. 21. No. 2. P. 161–183.